

БОЛЬШОЙ
РОМАН

ЖАУМЕ КАБРЕ

Ваша честь

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
К 12

Jaume Cabré
SENYORIA
Copyright © Jaume Cabré, 1991
All rights reserved

Перевод с каталанского Александры Гребенниковой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-18997-3

© А. С. Гребенникова, перевод 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство ИНОСТРАНКА®

Оглавление

Книга первая ПОД ЗНАКОМ ОРИОНА	11
Книга вторая СМЯТЕНИЕ ПЛЕЯД	285
Книга третья БЛУЖДАЮЩИЙ ПЛУТОН	329

Margarite

За спиной общества дремлет закон.

*Э. М. Форстер*¹

Закон есть собрание произвольностей, заключенных в Кодекс и освященных обычаями каждой эпохи.

Он создан для профессионалов.

Рафель Массо

Где есть закон, найдется и лазейка².

¹ Цитата из романа английского писателя Эдварда Моргана Форстера (1879–1970) «Морис».

² Каталонская пословица.

Книга первая

Под знаком Ориона

Созвездие Орион выпала честь считаться прекраснейшим на небесном своде. Оно представляет собой гигантский четырехугольник, широко распростертый от севера к югу и более узкий от востока к западу. Самыми примечательными в нем являются шесть звезд. Одна из них — альфа Ориона, или Бетельгейзе, имя которой берет начало от арабского «Ибт-аль-джауза», что означает «Подмышка великана». Это красная и очень яркая звезда. Бета Ориона получила название Ригель; это бело-голубая звезда, как и гамма Ориона, также известная под именем Беллатрикс, или Воительница. Однако жемчужины сего небесного собора хранятся в кушаке исполина — это двойные звезды, а также в его ножнах, где покоится таинственная туманность, или галактика, обнаруженная Гюйгенсом¹, которой никогда не устанет любоваться глаз человека. Неукротимая фантазия древних цивилизаций усмотрела в астеризме этого созвездия легендарную фи-

¹ Зейлихем Христиан ван Гюйгенс (1629–1695) — голландский механик, физик, математик, астроном и изобретатель. Член Французской академии наук с момента ее основания в 1666 году и ее первый президент. В области астрономии: открыл кольца Сатурна и его спутник Титан, изучил и дал систематическое описание Большой туманности Ориона, открытой ранее, в 1610 году, французским астрономом, антикваром, энциклопедистом Никола-Клодом Фабри де Перейском (1580–1637).

гуру мифологического персонажа: охотника, преследующего Плеяд. Глядя на звезды в осеннем небе ночной Барселоны, мы можем предаваться мечтаниям, воображая, что, спасаясь от Скорпиона, Орион нагоняет Плеяд, но на него нападает Телец. Как не поддасться очарованию этой сказки? Однако на самом деле все это поэтические изыски: созвездие, бесспорно, состоит из гигантских звезд, и существует вероятность, что они не имеют друг к другу никакого отношения. Выходит, наша прекрасная история может оказаться просто-напросто оптическим обманом. И все же подчас воображение служит для того, чтобы сделать действительность более удобоваримой.

*«Трактат об основах наблюдения
за небесными телами»*

Жасинт Далмасес. Барселона, 1778

Он улыбнулся. Целых два года он не улыбался. Его честь улыбнулся, прикрыв ладонью левый глаз, не отрываясь правым от телескопа. Казалось, он повстречал давнего друга: впервые за всю дождливую осень он приступил к наблюдению за звездным небом, в тот вечер чудно безоблачным. Он уже год не видел туманности Ориона и соскучился по его волшебному ядру, состоящему из четырех звезд, которые, по словам месье Галлея¹, с головокружительной скоростью удаляются друг от друга, словно в порыве ненависти. Словно на небе есть ненависть. Всякий раз, когда дон Рафель Массо-и-Пужадес, председатель Королевского верховного суда, или же Аудиенсии²,

¹ *Эдмунд Галлей* (1656–1742) — английский астроном и геофизик. Член Лондонского королевского общества. Профессор математики Оксфордского университета, с 1720 года — директор Гринвичской обсерватории. Составил первый телескопический каталог звезд Южного неба; открыл первую периодическую комету (1682, комета Галлея) и предсказал ее возвращение в 1758 году; открыл собственное движение звезд.

² *Королевский верховный суд (Аудиенсия)* — суд высшей апелляционной инстанции, существовавший в XVIII веке во всех провинциях испанской империи. Аудиенсии подчинялись генерал-капитану провинции, который выступал также в роли губернатора территории, попадающей под юрисдикцию Аудиенсии. Во главе Аудиенсии стоял так называемый гражданский регент, исполнявший функции президента Аудиенсии (в тексте романа: председатель Королевского верховного суда, или же верховный судья). В каждой Аудиенсии существовала Уголовная палата, являвшаяся судом последней инстанции по уголовным делам, ответственная за вынесение окончательного приговора и приведение его в исполнение.

провинции Барселона, наблюдал за движением небесных тел, его охватывало чувство собственного бессилия, ничтожества и боязни неизвестного, ведь звезды и тончайшие облака, до которых при взгляде в окуляр, казалось, рукой подать, были от него невозможно далеки, неприступны, безмолвны, недостижимы и загадочны. Внезапно на дон Рафеля нахлынуло воспоминание: «Эльвира, бедняжка моя», и улыбка исчезла с его лица. Он тряхнул головой, чтобы отогнать это воспоминание, и темноту сада огласил вздох. Председатель Верховного суда выпрямился и достал из рукава кружевной платочек. Он осторожно высморкался. Созерцание звездного неба в ночном саду неизбежно заканчивалось для судьи насморком, несмотря на то что на нем были надеты парик, треуголка и плащ. При взгляде невооруженным глазом созвездие Орион показалось ему как никогда родным. Дон Рафель убрал платочек в рукав, нагнулся, чтобы снова поглядеть на обожаемую туманность, и подавил желание выругаться, увидев, что она уже исчезла из поля зрения телескопа. Высунув язык, он добрую минуту провозился, чтобы вернуть беглянку. Донья Марианна предупреждала, что он простудится, и, как всегда, оказалась права. Однако он не пожелал упустить удобный случай, ведь в тот вечер, впервые по прошествии тьмы дней, ознаменованных облачностью — заклятым врагом астрономов, небо Барселоны открывалось ему во всей красе, бесстыдно сияя полным набором доступных взору осенних звезд. Собственно говоря, астрономом дон Рафель не являлся. В молодости, когда замысловатый, странный и таинственный мир законов начал овладевать его воображением, он любознательно присматривался ко всему, что его окружало, и завел знакомство с известными учеными, как, например, дон Жасинт Далмасес, который и приобщил его к астрономии. Он провел уйму бессонных ночей, тщетно пытаясь разгадать двойственную природу звезд в созвездии Лиры — до чего несподручно наблюдать за созвездием Лиры,

почти всегда в зените! — или суматошной и радостной погоны, которую Ганимед, Ио, Европа и Каллисто — словно они в догонялки играют — затеяли вокруг своей вечной няньки — ленивого исполина Юпитера с таинственным глазом в животе, как у космического Полифема. В юности дон Рафель с интересом следил за публикациями месье Галлея и в течение некоторого времени рассказывал знакомым, что намеревается стать астрономом. Но действительность берет свое: будучи уже без пяти минут адвокатом, он заключил, что нет резона бездумно пускаться по ветру многие годы, проведенные в изучении кодексов, канонов, законов и приговоров. Дон Рафель получил диплом юриста, женился и утратил привычку посвящать бессонные ночи безмолвной тайне звезд. Время от времени он отдавал приказание вынести телескоп в сад и предавался мечтаниям, потому что по природе своей не находил ни в чем удовлетворения. Он завидовал чужому положению в обществе и богатству, красоте чужих жен, мудрости немногих избранных, благоразумию, встречавшемуся крайне редко, и счастьем, которым не обладал практически никто. По этой причине жизнь нашего героя состояла из неутолимой жажды и тревоги неумного сердца, которые заставляли его мечтать, хоть он и не родился поэтом, влюбляться, хоть он и не годился в донжуаны, беспрестанно карабкаться по служебной лестнице по головам всех прочих и делать вид, что счастье заключается именно в этом. Однако все это было не чем иным, как отчаянной попыткой вслепую ухватить столь желаемое счастье. Самое ужасное, что достичь его дону Рафелю так и не удалось. И в минуты искренних раздумий он понимал, что неизменно остается от всего на полдороге. Подобно Юпитеру. Почтенный судья во многом ощущал свое сходство с этим небесным гигантом, который был слишком велик, слишком полон амбиций, слишком объемён для твердотельной планеты, но и слишком мал, слишком бессилен для того, чтобы стать самодостаточной звездой,

полной огня, энергии и света. И так же, как Юпитер, он не мог обойтись без спутников.

— Что ж такое, опять она от меня ускользнула, — пожаловался дон Рафель бесконечным просторам Вселенной. В это мгновение он услышал шаги и увидел неясные отблески. — Погаси лампу, Ипполит! — упрекнул он приближающийся источник мигающего света.

— Госпожа велела, чтобы я вам сказал, что пора уже, — раздался голос невидимого камердинера.

— Да иду, иду я, что ты!

Он снова склонился над телескопом. И в раздражении убедился, что туманности и след простыл.

— Госпожа велела, — продолжал настаивать из тьмы Ипполит, — чтобы я вам сказал, что уже пробило восемь. И что перед концертом вам надобно парик переодеть.

— Оставь меня в покое, — сухо проворчал судья.

И не сдвинулся с места до тех пор, пока не почувствовал, что раздражение, вызванное вмешательством слуги, отпустило его. Однако внутреннее спокойствие, необходимое для наблюдения за движением небесных тел, испарилось. Все еще несколько разгневанный, он направился к дому, в потемках, спотыкаясь о каменные скамейки и о собственные мысли, потому что на несколько мгновений, как мимолетное видение, перед ним вновь предстал образ Эльвиры.

Во дворце маркиза де Досриуса, на улице Ампле¹, собирались сливки барселонского общества эпохи Бурбонов²: военные, блюстители закона, инженеры, государственные

¹ Улица Ампле — Каррер-Ампле, или Широкая улица (*кат.*); расположена в Готическом квартале Барселоны.

² Бурбоны — королевская династия, занимавшая престол в Испании в 1700–1808, 1814–1868, 1874–1931 годах. Начало испанской ветви Бурбонов в 1700 году положил внук французского короля Людовика XIV Филипп V Испанский.

служащие, преуспевающие коммерсанты, местные и приехавшие из других краев политики, попадались и французы, потерявшие последнюю рубаху в бурне революции и нашедшие убежище в соседнем государстве, недоверчивом и перепуганном. Все эти господа, будучи людьми высочайшего бескультурья, собирались там, чтобы присутствовать при исполнении музыкальных произведений (чтобы слушать музыку, им пришлось бы сделать над собой вовсе немислимое усилие) или зевать под звуки александрийских стихов («И сердце с той поры одною мезтью дышит...»¹) в исполнении приглашенного стихотворца.

Дон Рафель любил, когда его приглашали к маркизу де Досриусу, поскольку маркиз, будучи внимательным блюстителем добрых традиций, по-прежнему хранил обычаи, согласно которому дворецкий объявляет имена гостей. Дону Рафелю нравилось слышать: «Его честь дон Рафель Массо-и-Пужадес, председатель Королевской аудиенсии провинции Барселона, с супругой». Дон Рафель бросил дежурный взгляд на благоверную, донья Марианна в свою очередь посмотрела на него, и вместе они вошли в огромную гостиную, с которой не могла сравниться в роскоши ни одна другая гостиная на улице Ампле, предмет зависти барселонской знати, большой зал дворца маркиза де Досриуса. Кружкам гостей, убивавшим время тем, что под сурдинку перемывали косточки всем подряд, прибытие четы Массо дало новую тему для разговоров. («Видали? Дон Рафель с каждым днем все больше похож на вопросительный знак»; «как он усох и скрючился»; «а говорят, в делах преуспевает»; «это еще бабушка надвое

¹ «И сердце с той поры одною мезтью дышит...» — строка из трагедии Жуана (в испанском написании Хуана) Рамиса-и-Рамиса (1746–1819) «Лукреция», написанной на Менорке в 1769 году на каталанском языке в неоклассическом стиле.

сказала»; «к чему это вы?»; «ах, я бы вам такого могла рассказать...») А супруги Массо, не обращая на них ни малейшего внимания и расточая улыбки направо и налево, направлялись напрямиком к центральному камину, где дон Рамон Ренау, престарелый маркиз де Досриус, в новеньком, по последней венской моде серебристом парике, прикрыв пледом ни к чему не пригодные ноги, привечал гостей, сидя в хитроумном кресле на колесах, которое позволяло ему передвигаться, не прилагая усилий. За спиной старика-маркиза ждал приказаний бесстрастный, непроницаемый Матеу. Маркиз, пользовавшийся славой самого бесцеремонного аристократа в Барселоне, при виде новоприбывших покряхтел и ткнул его честь в живот концом трости, с которой никогда не расставался:

— Ну как оно там, дон Рафель?

— Превосходно, сеньор маркиз.

Супруги склонились в глубоком поклоне.

— Ступайте обо мне сплетничать, — указал он в сторону прочих своих гостей, поговорив с четой Массо несколько секунд, — мне пора с другими здороваться.

Повинуясь, супруги направились к одному из кружков, чтобы присоединиться к общему разговору. Судя по резкой перемене темы, судачили там как раз о них. «Добрый вечер, барон, баронесса, ваша честь, дон Рафель», улыбки, приветствия, целование рук, вздохи, «как поживаете?»; «Вы не знаете, а удостоит ли нас своим присутствием генерал-капитан?» — «Насколько мне известно, да, господин барон»; и этот мимолетный взгляд служителя Фемиды на роскошную грудь баронессы доньи Гайетаны, бывает же такое... С тех пор как вышли из моды огромные кринолины, дону Рафелю стало гораздо проще подходить к дамам поближе, чтобы заглянуть в декольте, — просто захватывающее дух приключение. У доня Рафеля вспотели ладони, как случилось в последнее время вся-

кий раз, когда он оказывался в обществе доньи Гайетаны, «чтобы забыть твоё личико, Эльвира, бедняжка».

— Я слышал, — говорил барон де Черта, не имевший представления о прелюбодейных мыслях его чести, — что у этой женщины изумительный голос.

И его глаза беспокойно забегали, как будто он искал чьей-то поддержки.

— Нужно самим поглядеть и решить, — высказалась в защиту объективного суждения донья Гайетана из глубин своего музыкального невежества.

— Или, скорее, нужно послушать, — с поклоном проговорил дон Рафель, скрывая дрожь в голосе.

Все вокруг залились грациозным смехом и несколько оттаяли.

Дворецкий продолжал объявлять имена, гости снова шептались; известный учёный дон Жасинт Далмасес, который постоянно вращался в кругах, ему не подходящих, склонился в скромном поклоне; а поцелуй руки красивой дамы опять продлился на мгновение дольше необходимого, и судья снова вздохнул, поскольку бюст любой из женщин казался ему гораздо более многообещающим, чем у доньи Марианны. «Ах, Эльвира! Как так случилось?..» И раздумья доня Рафеля разбились на тысячу осколков, поскольку доктор Пере Малья, признанный всезнайка, присоединился к их кружку и сообщил, что ему доподлинно известно, что де Флор выступала перед самим Керубини¹ и тот был в восторге от её таланта.

— Я же вам говорил, — торжествовал де Черта, — великая певица.

¹ *Луиджи Керубини* (1760–1842) — итальянский композитор, педагог и музыкальный теоретик, главный представитель жанра «опера страхи и спасения», большую часть своей жизни проведший во Франции (с 1788 г. до кончины).

— Стораю от желания ее услышать, — соврал дон Рафель, который в тот вечер, раз уж ему категорически не дали поглядеть на звезды, был скорее равнодушен ко всему, кроме персей, особенно принадлежащих молодой баронессе.

— Кстати, — нетерпеливо топнула каблуком какая-то важная персона, — когда же начнется концерт?

— Когда старикашке Ренау заблагорассудится, — ответил де Черта, и дамы благосклонно улыбнулись.

А дон Рафель подумал: «Какой же ты болван, Черта. Ты ее недостоин». Все помыслы его чести, хоть он и слышал, о чем говорят окружающие, были о белоснежных зубах и влажных, улыбчивых губах доньи Гайетаны, чьим очарованием дон Рафель проникался с каждым днем все больше. В минуты искренности перед самим собой судья злился, что эта женщина с такой легкостью заставляет других мужчин улыбаться ей на глазах у косоглазого тупицы-мужа. «Гайетана, любовь моя, ради тебя я готов на безумства».

— Не сомневаюсь, — служитель правосудия украдкой обернулся, прикрывая нос кружевным платочком, — что дедуля Досриус хочет раздражить нас, прежде чем бросить нам... лакомый кусочек.

— Ну уж нас-то ему раздражить не удастся, — заявил барон.

Все они отошли к стене, поближе к окнам, выходящим на улицу Ампле. Там, под портретом второго в роду маркиза Досриуса, изображенного под ручку с пышной и, по всей видимости, необъятной сеньорой, единолично символизирующей всю бурбонскую монархию, кавалеры оставили дам, которые устроились на стульях и стали беседовать о платьях и прическах, и вернулись в центр гостиной, куда их привлекло замечание доктора Далмаса, самого образованного и неблагонадежного человека во

всей компании: никаким дворянским титулом он похвастаться не мог, но постоянно вращался в аристократических кругах, ходили слухи, что он симпатизирует французским революционерам или каким-то там энциклопедистам, а «кстати, говорят, что он еще и, эт-самое, масон, уж я-то точно знаю». Итак, доктор Далмасес, размышляя вслух, заявил, что нет инструмента прекраснее человеческого голоса.

— Данного нам Богом, — уточнил дон Рафель.

— Без всякого сомнения, дон Рафель, — согласился доктор Далмасес, который не особенно верил в Бога, но диспут затевать не хотел. — Вы были на концерте в День Всех Святых?¹

А вот и нет, оказалось, что никто на этот концерт не ходил, потому что в театр слушать музыку ходит лишь тот, кто ею живет и дышит; а у маркиза де Досриуса, или маркиза де Картели, или даже в самом дворце музыка звучала для тех, кого занимало совсем другое. Доктор Далмасес понял, что ему придется рассказывать о концерте, состоявшемся в День Всех Святых, донельзя равнодушной публике:

— Две пьесы месье Керубини и струнный квартет, понимаете, а потом пьеса некоего ван Бетховена, который, видимо, учился у Гайдна², потому что очень мне его напомнил. Кстати, вам знакомо это имя?

¹ *День Всех Святых* — один из десяти главных праздников, имеющих ранг великого торжества. В этот день церковь вспоминает всех святых, прославивших Бога, — не только тех, чьи имена числятся в церковном календаре, но и тех, кто известен одному Богу. Отмечается 1 ноября.

² Людвиг ван Бетховен (1770–1827) действительно некоторое время брал уроки у Франца Йозефа Гайдна (1732–1809) — австрийского композитора, представителя Венской классической школы, одного из основоположников таких музыкальных жанров, как симфония и струнный квартет. Встреча музыкантов состоялась в Вене в 1792 году.

— Чье? — рассеянно спросил упустивший нить разговора дон Рафель.

— Этого голландца, ван Бетховена?

— Нет. Первый раз слышу.

Хирург доктор Малья, проводив супругу на отведенное ей место, присоединился к ним с любезной улыбкой. Улыбка эта стала еще шире, когда он поклонился всеми ненавидимому председателю Аудиенсии. Поскольку, без сомнения, во всем этом кружке никто другой не внушал бóльшую зависть, ненависть и страх: дон Рафель был неимоверно влиятелен, несговорчив и продажен, а на этих трех качествах обычно и строилось резюме власть имущих в те благословенные годы. Продолжая улыбаться, доктор Малья беззвучно поприветствовал остальных, после чего ему пришлось признать, что он, честно говоря, слыхом не слыхивал ни о каком ван Бетховене. Не слышал о нем никто, и доктор Далмасес, который гораздо лучше их всех разбирался в музыке, объяснил в заключение, что этот голландец во многом хорош, но в нем чувствуется подражание гениям, вроде Керубини или Сальери¹, и все были полностью согласны: «Куда ему, этому Фанбе-хоффену, или как там его зовут».

На самом деле к доктору никто особенно не прислушивался. В этот момент в гостиную вошел генерал-капитан, губернатор провинции, и взгляды всех присутствующих, включая дону Рафеля, будто дикие осы, устремились на

¹ Бетховен высоко ценил творчество Керубини, а Антонио Сальери (1750–1825) — одного из самых известных и признанных композиторов своего времени, автора более чем 40 опер, многочисленных инструментальных и вокально-инструментальных сочинений, на протяжении 36 лет занимавшего в Вене пост придворного капельмейстера, — выбрал себе после Гайдна в учителя. У Сальери Бетховен обучался в период с 1792 по 1795 год. Своему наставнику посвятил три скрипичные сонаты и ор. 12, опубликованные в Вене в 1799 году.

него, с завистью и страхом. Вечер начинался взаправду. Гости заполнили зал, и четверо или пятеро слуг расставляли стулья и диваны таким образом, чтобы на них могли удобно устроиться все тридцать с небольшим приглашенных. Подъехав к фортепьяно цвета зеленого яблока, в обществе разодетого в пух и прах губернатора, маркиз де Досриус постучал тростью об пол, чтобы все замолчали. В глубине зала подпирали стенку несколько беспокойных, наряженных в странные костюмы юнцов, не удосужившихся даже для приличия надеть парики, — ужасное зрелище. Юноша с тревожным взглядом и светлыми кудрями, к примеру, выглядел в своей одежде крайне незavidно, почти как мастеровой. Но очевидно, попасть сюда он мог только благодаря своему спутнику, низенькому, в элегантном костюме, черноволосому и горбоносому молодому человеку, со свертком в руке. Кудряш подтолкнул приятеля локтем:

— А ты почему не играешь сегодня, Нандо?¹ Давай я объявлю, что ты сыграешь?

— Даже не вздумай.

В дверном проеме с другой стороны зала появилась крупная, неохватная, грандиозная женщина, что подтверждалось не столько ее конкретными размерами, сколько величественным видом и осанкой. Мари дель Об де Флор, Орлеанский соловей, сделала глубокий реверанс маркизу *aussi grincheux*², потом еще один, строго отмеренный, —

¹ *Nando* — уменьшительно-ласкательный вариант испанского имени Фернандо, соответствующего каталонскому имени Ферран. Так Андреу обращается к своему другу, каталонскому композитору и классическому гитаристу-виртуозу Феррану Сортеу (в испанском варианте произношения — Фернандо Сору; 1778–1839), виднейшему представителю романтизма в каталонской классической музыке и автору оперы «Телемах на острове Калипсо».

² Довольно ворчливому (*фр.*).

губернатору и слегка поклонилась всей прочей публике. Чтобы всем было ясно, кто тут платит. В этот момент многие заметили, что за спиной необъятной сеньоры нарисовался словно из ниоткуда незаметный человечек, невзрачный, одетый во все серое, с окладистой бородой, неуверенной походкой и печальным взглядом, которого, хотя об этом никто и не знал, звали месье Видаль. Он тихонько примостился перед фортепьяно с очевидным намерением ожидать приказаний. Гости маркиза понемногу перестали хлопать, и певица, пробурчав пианисту нечто угрожающее, улыбнувшись публике и деликатно прокашлявшись, набрала воздуха и закрыла глаза, чтобы вобрать в себя первые такты вступительной мелодии.

Большую гостиную дворца маркиза де Досриуса наполнила музыка. Ее волшебство заморозило гостей. Казалось, они застыли на полотне Тремульеса¹ или Байеу²: стоящие мужчины, те, кто постарше, в париках, а кто помоложе, с непокрытой головой, сидящие женщины; все взгляды устремлены в одну точку. Перси девушек полны томленьем, глаза чуть увлажнены. Маркиз, слегка приподнявшись в инвалидном кресле, оперся на трость с серебряным наконечником. Генерал-капитан, в зачатке подавив зевету, погрузился в расчет окружности бюста певицы. В глубине зала, неподалеку от юношей, подпиравших стену, преображенный неподвижностью и барочной лив-

¹ Имеется в виду один из братьев Тремульес-и-Роч, Мануэль (1715–1791) или Франсеск (1722–1773). Оба они были известными каталонскими художниками.

² *Франсиско Байеу-и-Субиас* (1734–1795) — испанский художник, придворный живописец Карла III, профессор, а позднее директор Королевской академии изящных искусств Сан-Фернандо; писал в неоклассическом стиле, в основном на религиозные и исторические сюжеты.

реей лакей казался высеченным из камня. На подзеркальнице, возле двери, своей очереди ждали блюда с закусками и напитками. А возле большого окна Мари дель Об де Флор, небрежно облокотившись одной рукой на фортепьяно и прижав другую к груди, как будто с тем, чтобы не дать сердцу вырваться в гостиную в погоне за любовью, выводила великолепное *«Je parlerai de mon tourment»*¹ таким голосом, какого многие годы не слыхали в Барселоне. Маэстро Видадь касался клавиш ласково и страстно. В его глазах стояли слезы, кто знает, по причинам ли строго профессионального характера, или же оттого, что знойный и чувственный голос волновал его так же, как и кудрявого юношу по имени Андреу. Андреу всегда казалось, что за волшебством чудесного голоса скрывается любовный пыл. Околдованный звуками арии, он был уже влюблен в де Флор. Андреу сжал руку друга, а тот улыбнулся: он знал своего приятеля как облупленного и уже догадался, что с ним творится.

По окончании последней арии концерта Мари дель Об де Флор наступило удивленное, неудовлетворенное молчание. Гости ждали, когда маркиз де Досриус начнет хлопать, но тот, во власти отзвуков волшебного голоса, словно застыл на месте, с горящим взглядом опершись на свою трость. Музыка была единственной силой, способной околдовать обычно бесцеремонного аристократа. Сидевший подле него губернатор, который начал клевать носом еще между четвертой и пятой арией, делал над собой сверхчеловеческое усилие, чтобы не взять инициативу на себя; хоть он и был среди присутствовавших самым значительным лицом, сколько бы маркизов, графов и баронов в нем ни собралось, поскольку генерал-капитан, так сказать, — всегда Важная Персона, Персона с Боль-

¹ «Я мук своих не утаю» (фр.).

шой Буквы, все же, согласно этикету, первым аплодировать полагалось амфитриону, и губернатор следовал протоколу, словно указу. Де Флор, не особенно привыкшая к тому, чтобы вокруг нее царил молчок, в некотором недоумении вздохнула, чтобы дать понять, что концерт окончен. Вздох певицы вывел маркиза из оцепенения. Он ударил тростью об пол, и все с облегчением начали хлопать. Ох, нелегко же им дались злосчастные три-четыре секунды.

— Что скажешь, Нандо?

— Еще хочу.

— Так предложи подыграть ей на гитаре.

— Что ты, маэстро Видаль может обидеться. Да и фортепьяно тут гораздо уместнее.

Де Флор снова склонилась в реверансе, послала тридцать воздушных поцелуев, набрала воздуха и на невероятной смеси французского, итальянского, перенятого у месье Видаля каталанского и недоученного испанского языков объявила, что ей хотелось бы исполнить какой-нибудь *шансон*¹ под аккомпанемент даровитого *композиторе локале*² Фердинанда Сортса, присутствующего сегодня в зале. Люди беспокойно переглянулись, поскольку никто из них понятия не имел, кто такой этот «даровитый *композиторе локале*» Фердинанд Сортс. Генерал-капитан переспросил, о чем там толкует мадам: «Я не особо силен во французском». На что маркиз де Досриус пожал плечами и нетерпеливо постучал тростью об пол.

Не успело общее недоумение смениться ропотом, как Андреу подпрыгнул и вскричал: «Он здесь, он здесь! — и подтолкнул друга локтем. — Нандо, о тебе же речь ве-

¹ Песню (*фр.*).

² Местного композитора (*ит.*).

дут!» Сортс еще и глазом не моргнул, как Андреу уже схватил его под руку и потащил прямо к певице. Публика заахала: «Ах да, младшенький из семейства Сортс, ну-ну. „Даровитый *композиторе*“? Да он же сопляк еще, ах, ты смотри. Он же вроде уезжать куда-то собирался, этот паренек?» Де Флор увидела, что к ней направляются два юноши, и диве тут же приглянулся кудрявый блондинчик, сушая конфетка. Однако месье Фердинандом Сортсом оказался его приятель, чернявый и худощавый страшила с бакенбардами. Да и имя у него было какое-то другое, а вовсе не Сортс. Орлеанский соловей скрыла разочарование за любезным реверансом. Позволив растроганному Феррану Сортсу облобызать ее ручку, дива прислушалась к мужественному, звонкому, чарующему голосу мальчика-конфетки, пытавшегося разъяснить, что композитора зовут Ферран Сортс. Де Флор беззастенчиво оглядела Андреу с ног до головы и сделала вид, что он ей неинтересен. Многие из присутствовавших недовольно поморщились при виде никому не знакомого кудрявого юнца, который и одеться-то прилично не в состоянии («и не говорите: неизвестно еще, как его вообще сюда пропустили»), а рассказывает по всему залу, будто он у себя дома. Несколько рассеянных сеньор похлопали «даровитому *композиторе*», окончательно успокоившись: «Ах да, это же Нандо Сортс, сразу и не поймешь эту даму. Так бы и сказала». А де Флор спросила пианиста:

— Вы не возражаете, месье Видаль?

— Вовсе нет, — давась желчью, ответил музыкант, вставая со стула.

— Для меня большая честь... — пробормотал Сортс, крайне взволнованный. И передал сверток Андреу. — Не потеряй, я его должен кое-кому передать.

Кабре Ж.

К 12 Ваша честь : роман / Жауме Кабре ; пер. с каталан. А. Гребенниковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-18997-3

Роман выдающегося каталонского писателя Жауме Кабре «Ваша честь» (1991) был создан задолго до его знаменитого «Я исповедуюсь». Но уже тогда писателя волновала тема сильных мира сего, судебной коррупции и абсолютной власти, для которой существует лишь право сильного.

Зима 1799 года. В Барселоне не прекращаются дожди, город кажется парализованным, и тем не менее светская жизнь в самом разгаре. Кажется, аристократов заботит лишь то, как отпраздновать наступление нового, девятнадцатого века. В кафедральном соборе исполняют *Te Deum*, а в роскошных залах разворачивается череда светских приемов... Но праздничную атмосферу омрачает странное убийство французской левицы. Арестован молодой поэт, случайно оказавшийся «не в то время не в том месте». Он безоговорочно признан виновным, тем более что у него обнаружили документы, которые могут привести к падению «вашей чести» — дон Рафеля Массо, председателя Верховного суда. Известно, что у этого человека, наделенного властью казнить или миловать, есть одна слабость: он обожает красивых женщин. Так что же перевесит: справедливость или власть, палач или жертва, «Я ее не убивал!» одного или «Я этого не хотел» другого?..

Впервые на русском!

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

ЖАУМЕ КАБРЕ
ВАША ЧЕСТЬ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Ирина Тарасенко
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Ирина Киселева

Подписано в печать 20.02.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-BRM-27683-01-R